

МЕТОДЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.372.9

И.Н. Румянцев¹, А.А. Смирнова², А.А. Ткаченко³

СЕЛЬСКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ «БЕЗ НАСЕЛЕНИЯ» КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена феномену сельских населенных пунктов (СНП) «без населения». Эта категория пунктов существует в статистических документах, несмотря на абсурдность словосочетания – населенные пункты «без населения». Процесс опустения и забрасывания деревень продолжается во многих регионах России на протяжении десятилетий. Самым большим количеством пунктов «без населения» характеризуются области Нечерноземья, лидером среди них является Тверская область. На ее примере показано, что СНП «без населения» могут находиться на разных этапах опустения. Была проведена типология СНП «без населения» при помощи космических снимков, демонстрирующая, что около трети таковых в Тверской области – пустоши, где нет ни построек, ни дорог. Установлено, что полевые и дистанционные данные по пунктам «без населения» являются достаточно сопоставимыми.

Ключевые слова: сельское расселение, сельская местность, депопуляция, сельские населенные пункты «без населения», Нечерноземье, Тверская область, дистанционные методы

Введение. Почему сельские населенные пункты «без населения» названы феноменом? Во-первых, они отражают те процессы, которые происходят в сельском расселении, являются символом повсеместной сельской депопуляции. Во-вторых, абсурдность самого термина – это свидетельство несовершенства современной отечественной статистики, которая не может считаться достоверным источником информации о населении и расселении.

Не совсем корректно было бы назвать опустевшие или исчезнувшие пункты феноменом *нашего* времени. Общеизвестно, что в период опричнины и Смутного времени на Руси опустело огромное число поселений [Дегтярев, 1980; Копанев, 1978]. В зарубежных источниках можно встретить аббревиатуру DMV (deserted medieval villages), которая используется для обозначения населенных мест, исчезнувших в Средневековье. Исследователи [Simms, 1976; Dyce, 1982] отмечали, что в период с 1320 г. по 1520 г. ряд факторов (общее уменьшение численности населения, перемещение людей в города, уменьшение цен на сельскохозяйственную продукцию и др.) привел к «опустыниванию» деревень и забрасыванию земель. Исчезнувшим в Средневековье местам Англии посвящены многие Интернет-ресурсы [напр., Deserted Medieval Villages ...], включая отдельную страницу в Википедии [List of lost settlements ...].

Исследователями уже много раз подчеркивалась незавершенность российской урбанизации [Алексеев, Симагин, 1997; Город и деревня ..., 2012; Нефедова, Покровский, Тревиш, 2015]. Как след-

ствие, отток населения из сельской местности большинства регионов не прекращается уже многие десятилетия [Алексеев, Сафронов, 2015]. Сельские населенные пункты стремительно теряли и продолжают терять своих жителей, что находит отражение в материалах переписей населения. В итогах ВПН-2010 около 20 тысяч СНП обозначены как населенные пункты «без населения». По выражению специалистов Центра экономических и политических реформ, «Россия – страна умирающих деревень» [Россия ..., 2016]. Процессы сельской депопуляции и, как следствие, деградации сети СНП наблюдаются в большинстве российских регионов уже длительное время – больше полувека, привлекая внимание не только отечественных [Смирнова, 1984; Ткаченко, 1999], но и зарубежных [Pallot, 1990] исследователей.

XX век был отмечен высокими темпами урбанизации [Щербакова, 2010]. Миграция людей в города, в совокупности с военными потрясениями того времени, привели к тому, что в некоторых развитых странах часть сельских населенных пунктов оказалась полностью покинутыми [Knight, 1994]. Исследователи [Di Figlia, 2016] выделяют две основные группы причин опустения деревень: естественные (землетрясения, наводнения) и «неестественные» (миграция, война). Согласно исследованиям Di Figlia, 65% заброшенных деревень Италии являются таковыми по причине оттока населения в города, особенно характерного для 1950–1960-х годов. На втором месте среди причин опустения пунктов назва-

¹ Тверской государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра социально-экономической географии и территориального планирования, студент; e-mail: ilya357383527@gmail.com

² Тверской государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра социально-экономической географии и территориального планирования, ст. преподаватель, канд. геогр. н.; e-mail: alpresents@mail.ru

³ Тверской государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра социально-экономической географии и территориального планирования, профессор, докт. геогр. н.; e-mail: at.tver@mail.ru

ны военные разрушения. По его мнению, заброшенные деревни (abandoned village) можно рассматривать, с одной стороны, как отжившие свой век элементы общества, с другой – как региональный актив, который в перспективе может быть по-новому использован.

В последние десятилетия наиболее активно осуществляется процесс опустения сельских территорий в Китае, где урбанизация и индустриализация привели к резкому сокращению численности сельского населения [Liu et al., 2010]. Отражением этого стало появление в китайской научной литературе термина «опустевшая деревня» (hollowed village). Исследования таких населенных пунктов многообразны. Пространственные аспекты «опустения» [Liu et al., 2010; Liu et al., 2017], проблемы землепользования и принимаемых мер региональной политики [Long et al., 2011], возможные варианты использования опустевших населенных пунктов [Yang, 2017], включая организацию в них туристской деятельности [Li, 2014] – это далеко не полный перечень вопросов, рассматриваемых в контексте изучения опустевших деревень.

Материалы и методы исследований. Данная статья, выполненная в традициях отечественной школы географического изучения сельского расселения, призвана акцентировать внимание на проблеме опустевших СНП в современной России. Информационной базой исследования послужили материалы переписей населения (1979–2010), данные космических снимков, результаты полевых исследований.

Для регионов Европейской России из списков сельских населенных пунктов по 2002 и 2010 годам были выбраны пункты «без населения», показано изменение их числа. Для периода с 1979 г. по 2010 г. эта динамика проиллюстрирована на материалах Тверской области.

С помощью программ Google Earth Pro и Яндекс.Карты был проведен дистанционный анализ 2230 пунктов «без населения» Тверской области (по данным Переписи–2010), который позволил выделить несколько вариантов их существования. Для одного из районов области полученные результаты были проверены в процессе полевого исследования (в ходе натурных наблюдений и бесед с представителями местных администраций).

Результаты исследований и их обсуждение. В России общее представление о количестве СНП без населения дают переписи населения, учитывающие населенные пункты с нулевой численностью. Согласно переписи 2010 г., каждый восьмой СНП – без населения. Без учета этих пунктов общее число СНП в России окажется почти на 20 тысяч меньше, чем показала эта перепись: не 153,1, а 133,7 тыс. [Ткаченко, 2018].

Больше всего таких пунктов в областях Нечерноземья – в первую очередь, в Тверской, Вологодской, Псковской областях (рис. 1). Этот регион характеризуется особой остротой социально-экономических проблем, при этом депопуляция в сельской

местности достигла там колоссальных масштабов – в названных областях численность сельского населения к 2010 г. сократилась более чем в два раза по сравнению с 1959 г. [Нефедова, 2012]. Максимальная доля СНП «без населения» отмечена в Костромской области (34%). Невелико их число в некоторых регионах Черноземья (Белгородской и Воронежской областях), в республиках Поволжья (Марий Эл, Чувашия, Мордовия), на юге России.

За межпереписной период с 2002 по 2010 г. в большинстве регионов произошло увеличение числа пунктов «без населения», что является еще одним подтверждением социально-экономического сжатия сельского пространства. Среди тех областей, где, наоборот, количество таких пунктов уменьшилось, можно назвать Московскую, Мурманскую, Воронежскую. Однако этот тренд нельзя трактовать однозначно, как свидетельствующий о позитивных изменениях в сельском расселении. Скорее всего, здесь играет роль административный фактор: пункты исключаются из списков по решению местных властей.

В Тверской области «чистки» состава СНП к переписи 2010 г. почти не произошло (рис. 2). Основное сокращение количества СНП в регионе приходится на период между 1979 и 1989 гг. – тогда их число уменьшилось почти на 14% (с 11,5 тыс. в 1979 г. до 9,9 тыс. в 1989 г.). Наибольшие изменения в сети СНП характерны для периферийных районов, например, Торопецкий район к 2010 г. потерял около 40% СНП от их числа в 1979 г.

Поскольку именно от муниципалитета зависит, останется населенный пункт в перечне или нет, то СНП «без населения» нельзя рассматривать в качестве особой постоянно существующей группы. У разных администраций видение перспектив СНП «без населения» может различаться. Кто-то заинтересован в сохранении их в списках (земли СНП находятся в ведении местных властей), кто-то, наоборот, предпринимает меры по их исключению. В связи с этим и число, и доля пунктов «без населения» в пределах какой-то территории несут достаточно случайный характер. Однако совсем игнорировать эти показатели было бы неправильным, потому что так или иначе они характеризуют сеть сельского расселения (точнее – ее деградацию).

На рис. 3 по материалам Тверской области показано число СНП «без населения» в каждой условной ячейке размером около 200 км². Как видно, в некоторых ячейках такие пункты либо совсем отсутствуют, либо их количество невелико. Массовые скопления СНП «без населения» характерны для восточной части области, а также для некоторых районов на западе. Такая высокая концентрация свидетельствует о глубоком кризисе системы сельского расселения.

Лидером по числу СНП «без населения» в Тверской области является Оленинский район, причем за 30 лет количество подобных пунктов в районе выросло в 7 раз (рис. 4). Такая ситуация, с одной стороны, итог масштабного сокращения сельского

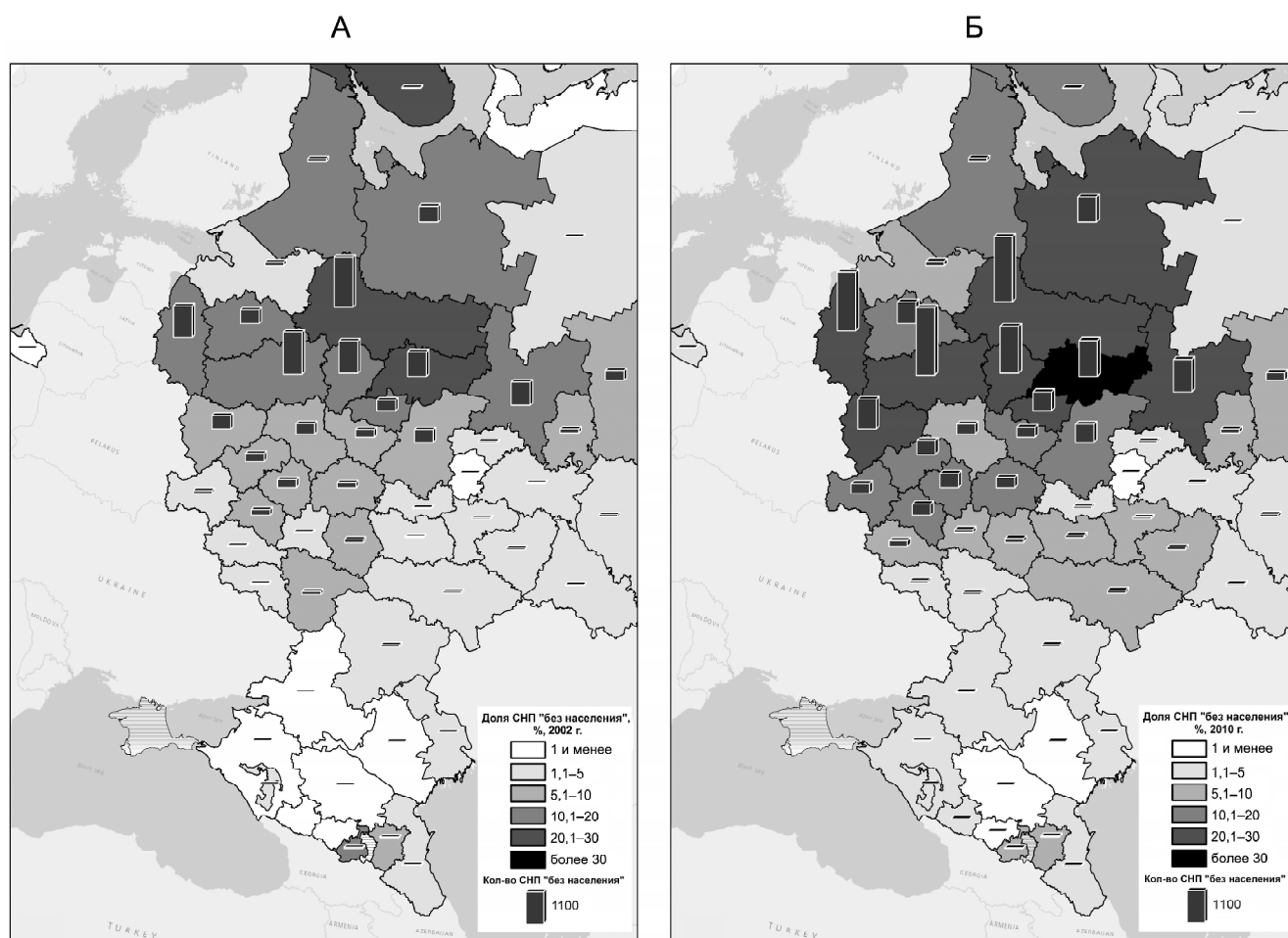

Рис. 1. Сельские населенные пункты «без населения» в регионах европейской части России (А – 2002 г., Б – 2010 г.)

Fig. 1. Rural settlements «without population» in the regions of the European Russia (A – 2002, B – 2010)

населения – с 1979 г. по 2010 г. оно уменьшилось в два раза. С другой стороны, здесь имеет место упоминавшаяся проблема сохранения в списках в течение нескольких десятилетий пунктов с нулевой численностью. Так, из 156 пунктов «без населения», зафиксированных переписью 2010 г., 43 являются таковыми с 1989 г., еще 61 – с 2002 г.

Одним из препятствий для исключения СНП из официального перечня является наличие в них построек и земельных участков, то есть частной недвижимости. Иногда это особенно ярко видно на космических снимках, анализ которых позволил предложить типологию СНП «без населения».

Первый тип назван «сезонно обитаемые». Эти СНП трудно отличить от постоянно обитаемых деревень. В них хорошо просматриваются дома, постройки вокруг, заборы и др. На снимках можно разглядеть обрабатываемые земельные участки – огороды и сады. В деревнях, расположенных на берегах рек и озер, можно различить пристани и лодки. Поскольку крыши домов в таких СНП зачастую сделаны из современных материалов, то и на снимках заметны яркие пятна. Дороги находятся в относительно неплохом состоянии. Все это говорит о том, что данные пункты используются, по крайней мере

сезонно. Каждый пятый СНП «без населения» в Тверской области отнесен к этому типу.

Этот тип СНП представляет наибольший интерес для исследователей, потому что количество «сезонно обитаемых» пунктов дает представление о дачном освоении территории. В перспективе, используя более качественные снимки в совокупности с данными публичной кадастровой карты, можно будет получить приближенные оценки численности временно проживающего населения в СНП «без населения» [Медведев, Гунько, 2016]. Подобная методика применена в работе А.Г. Махровой с соавт. [2016], где при помощи спутниковых данных была рассчитана численность летнего (дачного) населения Подмоскovie и близлежащих областей на основе информации о специализированных и «бесстатусных» (застроенных вне границ населенных пунктов) дачных поселках.

Второй тип СНП – так называемые «оставленные». В отличие от СНП предыдущего типа, данные пункты выглядят не столь хорошо сохранившимися. Вокруг домов часто отсутствуют заборы и хозяйственные постройки, также нельзя распознать обрабатываемые участки, дороги не так легко различимы. Это дает основание предположить, что

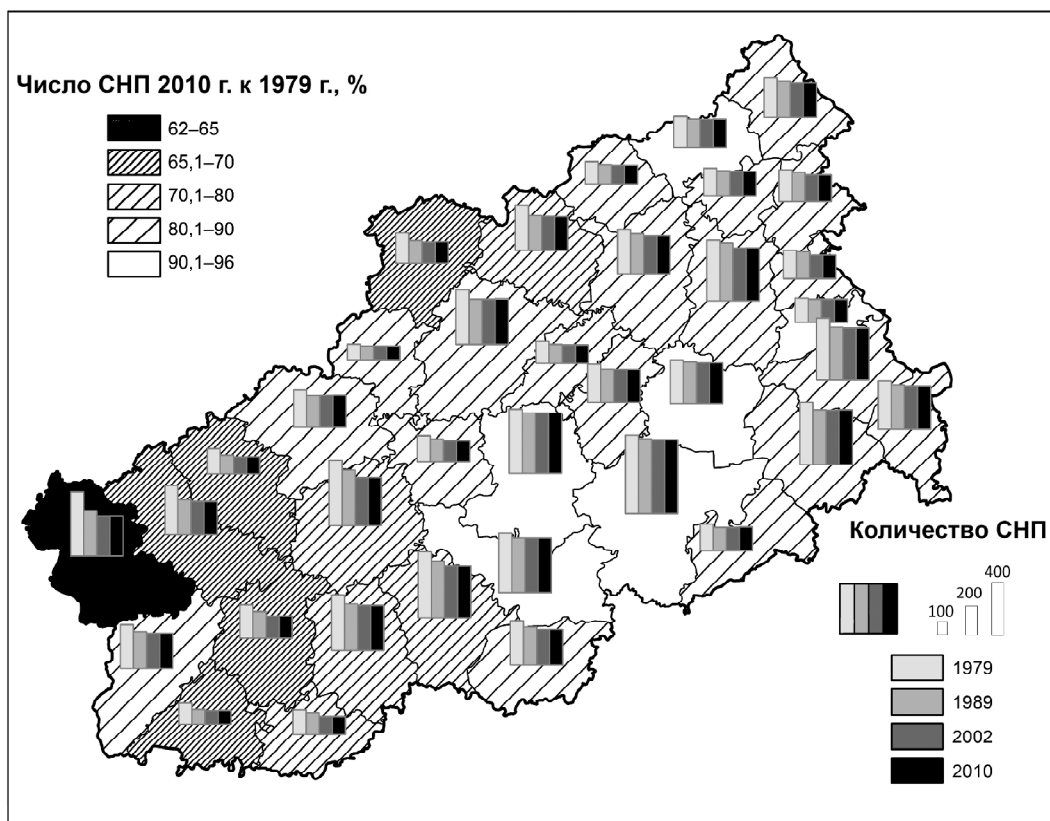

Рис. 2. Изменение числа СНП в Тверской области с 1979 по 2010 гг.

Fig. 2. Changes in the number of rural settlements in the Tver region from 1979 till 2010

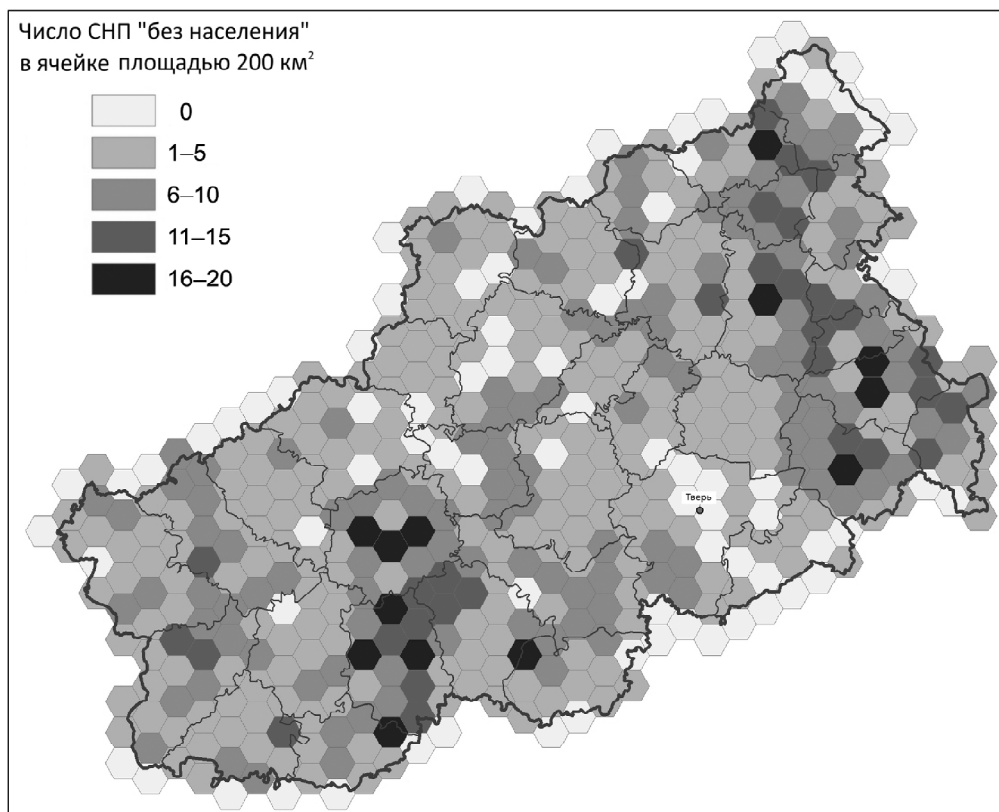

Рис. 3. Густота СНП «без населения» Тверской области

Fig. 3. Density of rural settlements «without population» in the Tver region

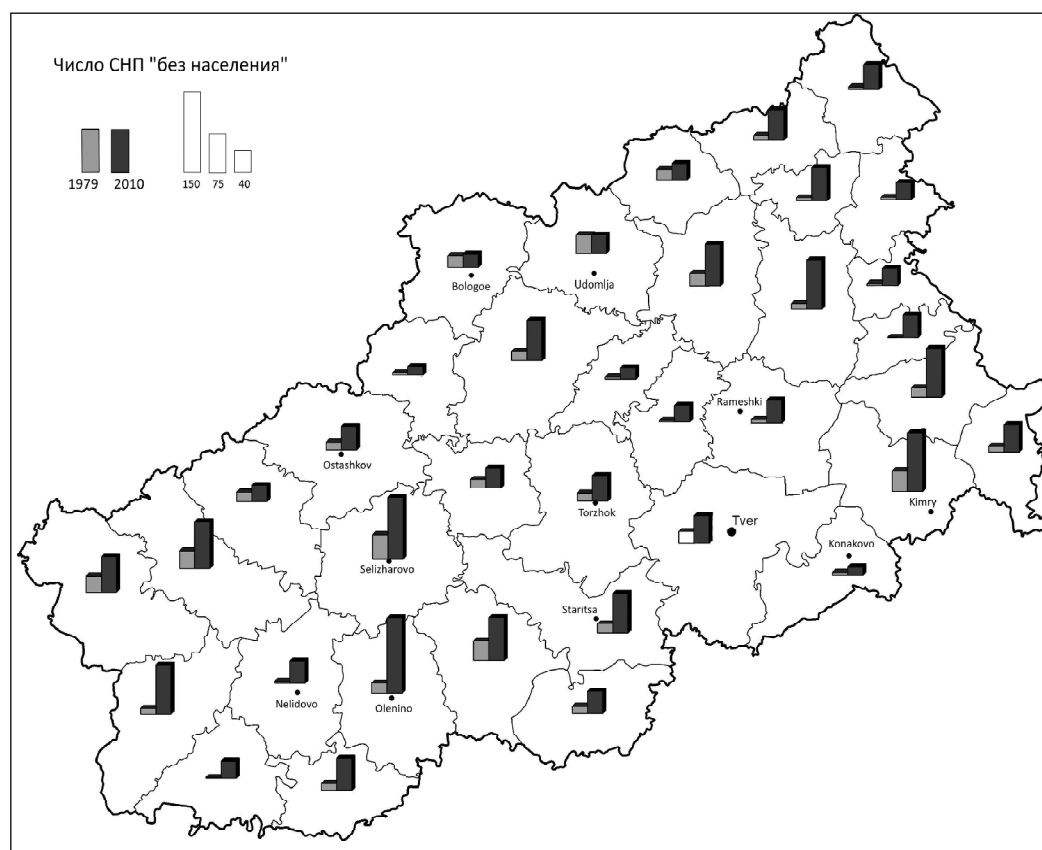

Рис. 4. Число СНП «без населения» в 1979 и 2010 гг. в Тверской области

Fig. 4. The number of rural settlements «without population» in 1979 and 2010 in the Tver region

селения оставлены людьми и вряд ли используются сезонно, как дачи. Более трети всех СНП «без населения» принадлежат ко второму типу.

В число СНП третьего типа отнесены «исчезнувшие» пункты, то есть те, в которых не осталось построек или сохранилось небольшое их количество (1–2). При этом дороги, ведущие к таким СНП, пока просматриваются на снимках. К этому типу принадлежат 18% всех пунктов «без населения».

Четвертый тип – «пустоши», где нет ни дорог, ни строений. На месте бывших деревень и хуторов здесь либо лес, либо поле. Современные поисковые Интернет-ресурсы зачастую не находят СНП этого типа. Для уточнения их местоположения приходилось пользоваться старыми топографическими картами. Пустошей среди СНП «без населения» Тверской области – около трети.

Предлагаемые типы можно изобразить в схематическом виде (рис. 5). Эти типы представляют собой своеобразные стадии деградации СНП «без населения» (по аналогии со стадиями деградации деревень, предложенными Г.В. Иоффе и Г.М. Фингером [1987]). Существует вполне предсказуемая дифференциация между районами Тверской области по числу СНП разных типов (рис. 6). Закономерно, что наибольшая доля «сезонно обитаемых» СНП (как самых благополучных) характерна для рекреационных приволжских районов – Конаковского, Кимрского и Калязинского. Высока доля дачных СНП в

пригородном Калининском районе. «Пустоши» распространены преимущественно в периферийных районах – Оленинском, Западнодвинском, Андреапольском. Удивительным выглядит попадание в этот список еще и Кашинского района, в котором тоже отмечено большое число пустошей.

Возможности удаленного исследования пунктов «без населения» не отменяют преимуществ полевых обследований. Наиболее достоверную картину об использовании СНП «без населения» могут дать интервью с жителями соседних деревень и представителями администраций. Имеющиеся данные по Оленинскому району позволили предложить «полевую» типологию СНП «без населения» [Ткаченко, 2018]. Она дополняет «дистанционный» вариант, так как, например, позволяет выделить в отдельный тип деревни, где есть постоянно проживающие, но не зарегистрированные жители. Выезд в поле помогает установить реальное состояние оставленных пунктов – насколько хорошо в них сохранились дома, есть ли вероятность возвращения туда людей. То же самое можно сказать и по отношению к дачникам, которые приезжают на определенный период – только в результате личной беседы с представителями администрации и собственных наблюдений удастся установить, где и сколько человек пребывает сезонно.

Для Оленинского района были сопоставлены результаты, полученные двумя путями – дистан-

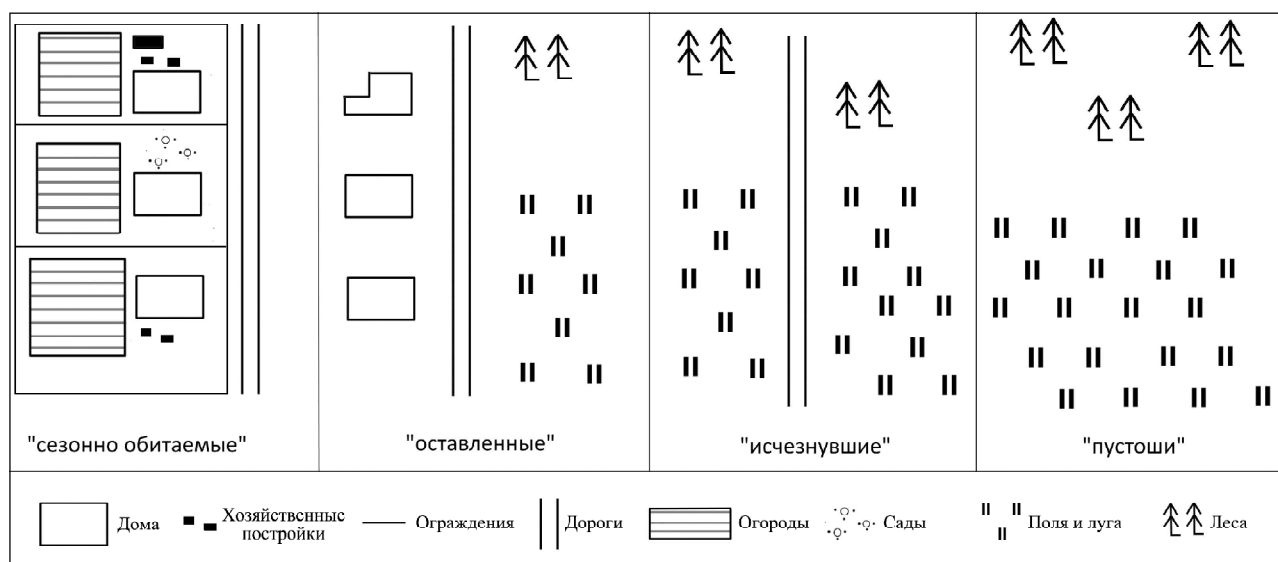

Рис. 5. Типы СНП «без населения», выделенные дистанционным методом

Fig. 5. Types of rural settlements «without population» identified by remote sensing

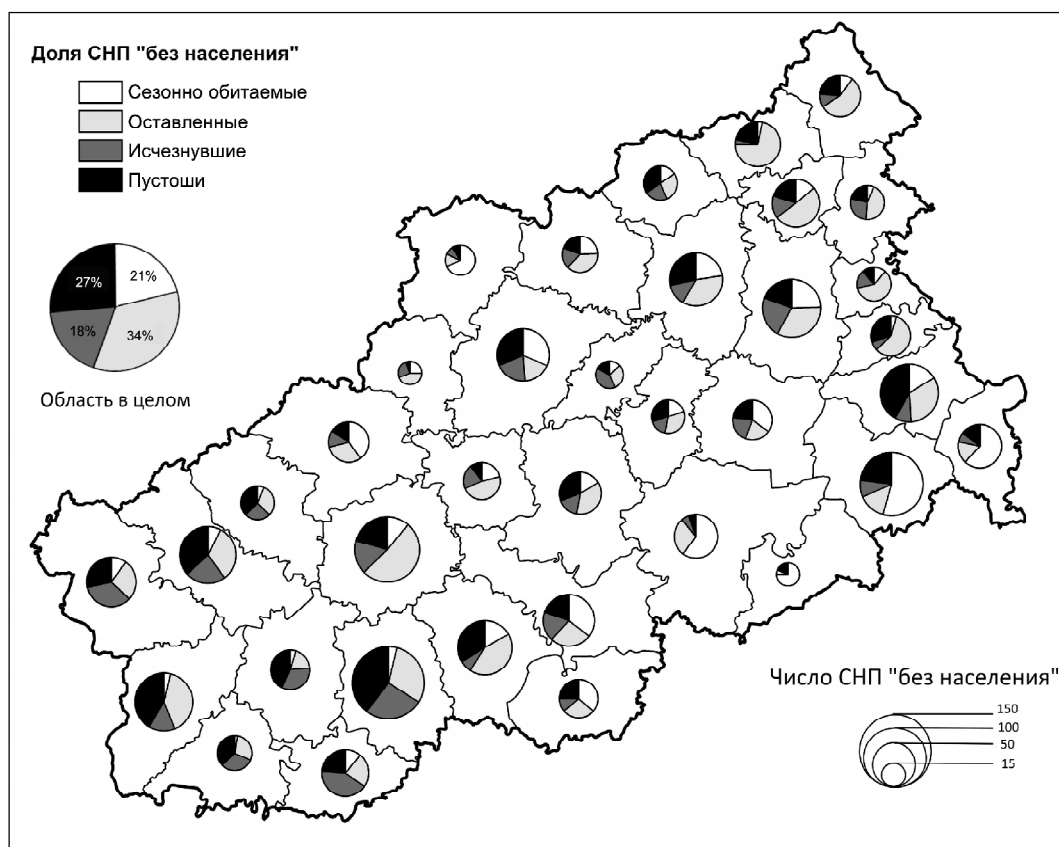

Рис. 6. Доля разных типов СНП «без населения» в районах Тверской области

Fig. 6. The percentage of different types of rural settlements «without population» in the municipal districts of the Tver region

ционно и в поле. Несмотря на имеющиеся различия, картина получилась довольно схожей. Так, согласно полевым обследованиям, около 45% СНП «без населения» района представляют собой пустое место, по дистанционным данным таких пунктов 40%.

Выводы:

– дальнейшие перспективы существования (как на бумаге, так и в жизни) сельских населенных пунктов «без населения» неясны. Вероятно, часть из них будет исключена из списков ко времени проведения следующей переписи;

– рекреационное использование сельских населенных пунктов «без населения» является одним из основных путей их ревитализации, что отмечают и в российской, и в зарубежной литературе;

– потенциал рекреационного, или дачного, использования в России ограничен вполне очевидными факторами. Во-первых, число СНП «без населения» огромно, и рассчитывать, что все они сохранят рекреационную и селитебную функции благодаря дачникам, было бы наивно. Во-вторых, есть явные инфраструктурные ограничения, препятствующие «оживлению» опустевших СНП, в первую очередь – отсутствие дорог;

– важность изучения СНП «без населения» объясняется несколькими причинами. Во-первых, есть чисто научный и отчасти «ностальгический»

мотив – интересно посмотреть, как изменилась сеть сельского расселения за прошедшие десятилетия. Во-вторых, это исследование заостряет внимание на проблеме замещения учета населения учетом земель. Современная статистика оставляет без внимания сезонно проживающих в сельской местности жителей, при этом пустоши – населенные пункты, давно оставленные людьми, где нет ни инфраструктуры, ни любых других признаков обитаемой территории – сохраняются в официальных списках СНП. В-третьих, в рамках работ по территориальному планированию СНП «без населения» требуют дифференцированного подхода – одни из них имеют потенциал для «реабилитации» [Роговская, Танкеев, 2014], другие, напротив, подлежат исключению из перечня селитебных территорий.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-05-00394).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 66–76.
- Алексеев А.И., Симагин Ю.А. Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях. М.: ИГ РАН, 1996. С. 120–126.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / Ред.: Т.Г. Нефедова, П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М., 2001. 560 с.
- Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 176 с.
- Иоффе Г.В., Фингеров Г.М. Сельское хозяйство и рекреация: вопросы взаимоотношений // Территориальная организация хозяйства как фактор экономического развития. М.: Институт географии АН СССР, 1987. С. 122–138.
- Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л.: Наука, 1978. 245 с.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 64–74.
- Медведев А.А., Гунько М.С. Выявление признаков наличного населения по материалам дистанционного зондирования // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2016. № 6. С. 85–91.
- Нефедова Т.Г. Сжатие и поляризация сельского пространства России // Демоскоп Weekly. 2012. № 507–508. С. 16–29.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и село-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
- Роговская Д.А., Танкеев А.С. Реабилитация сельских населенных пунктов Воронежской области с нулевой численностью населения // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Строительство и архитектура. 2014. № 1. С. 150–158.
- Россия – страна умирающих деревень // Доклад Центра экономических и политических реформ. 2016. 43 с.
- Смирнова В.М. Социально-географические проблемы исчезновения сельских поселений // Географические аспекты реконструкции населенных мест Нечерноземья. Московский филиал Географического общества СССР. М., 1984. С. 37–50.
- Ткаченко А.А. О реальном и номинальном количестве сельских населенных пунктов в современной России и ее регионах // Известия Русского географического общества. 2018. Т. 150. № 2. С. 15–24.
- Ткаченко А.А. О сокращении числа сельских поселений // Сельская Россия: прошлое и настоящее // Доклады и сообще-
- ния Седьмой российской научно-практич. конференции. М.: Энциклопедия российских деревень, 1999. С. 84–86.
- Щербакова Е.М. Мировой демографический барометр // Демоскоп Weekly. 2010. № 429–430.
- Deserted Medieval Villages in England [Электронный ресурс] // <https://www.medieval.eu/deserted-medieval-villages-england/> (дата обращения 22.08.18).
- Di Figlia L. Turnaround: abandoned villages, from discarded elements of modern Italian society to possible resources // International Planning Studies. 2016. V. 21. № 3. P. 278–297.
- Dyer C. Deserted Medieval Villages in the West Midlands // The Economic History Review, New Series. 1982. V. 35. № 1. P. 19–34.
- Knight J. Rural Revitalization in Japan: Spirit of the Village and Taste of the Country // Asian Survey. 1994. V. 34. № 7. P. 634–646.
- Li S. The renewal of hollow village. A research and proposal of Erhai area in YunNan, China: MSc Thesis Urban Design in China and Europe. Blekinge Institute of Technology, 2014. 81 p.
- List of lost settlements in the United Kingdom [Электронный ресурс] // https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_lost_settlements_in_the_United_Kingdom (дата обращения 22.08.18).
- Liu Y., Liu Y., Chen Y., Long H. The process and driving forces of rural hollowing in China under rapid urbanization // J. Geographical Sciences. 2010. V. 20. Iss. 6. P. 876–888.
- Long H., Li Y., Liu Y., Woods M., Zou J. Accelerated restructuring in rural China fueled by ‘increasing vs. decreasing balance’ land-use policy for dealing with hollowed villages // Land Use Policy. 2011. V. 29. Iss. 1. P. 11–22.
- Pallot J. Rural depopulation and the restoration of the Russian village under Gorbachev // Soviet Studies. 1990. V. 42. № 4. P. 655–674.
- Simms A. Deserted medieval villages and fields in Germany, a survey of the literature with a select bibliography // J. Historical Geography. 1976. V. 2. Iss. 3. P. 223–238.
- Sun H., Liu Y., Xu K. Hollow villages and rural restructuring in major rural regions of China: A case study of Yucheng City, Shandong Province // Chinese Geographical Science. 2011. V. 21. Iss. 3. P. 354–363.
- Yang Y. From hollowing area to livable rural area. Developing agritourism from a perspective of landscape design as a catalyst for sustainable rural development. Case study in Shenyang, China: MSc Thesis Landscape Architecture. Wageningen University, 2017. 118 p.

Поступила в редакцию 04.09.2018

После доработки 20.09.2018

Принята к публикации 08.10.2018

I.N. Rumjancev¹, A.A. Smirnova², A.A. Tkachenko³RURAL SETTLEMENTS «WITHOUT POPULATION»
AS A GEOGRAPHICAL AND STATISTICAL PHENOMENON

The article deals with a phenomenon of rural settlements «without population». It is a specific term of Russian statistics related to the depopulation of Russian rural areas. The process of desolation and abandonment of villages continues for decades in many regions. The Non-Chernozem regions are characterized by the largest number of settlements «without population», and the Tver oblast' is leading among them. This example has shown that the settlements «without population» can be at the different stages of abandonment. The typology of settlements «without population» was elaborated basing on space imagery. About one third of them in the Tver oblast' are wastelands with neither buildings nor roads. Case study of a municipal district proves that field and remote sensing data on settlements «without population» are quite comparable.

Key words: rural settlement pattern, rural area, depopulation, rural settlements «without population», Non-Chernozem area, Tver region, remote sensing

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-05-00394).

REFERENCES

- Alekseev A.I., Safronov S.G.* Izmenenie sel'skogo rasseleniya v Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [Changes in rural settlement patterns in Russia during the late 20th – early 21st centuries] // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 5. Geografiya. 2015. № 2. P. 66–76 (in Russian).
- Alekseev A.I., Simagin Y.A.* Agrarnyj kharakter rossijskogo mentaliteta i reformy v sel'skoj mestnosti Rossii [The agrarian nature of Russian mentality and the reforms in rural Russia] // Rossijskie regiony v novykh ehkonomicheskikh usloviyakh. M.: IG RAN, 1996. P. 120–126 (in Russian).
- Degtyarev A.Ya.* Russkaya derevnya v XV–XVII vekakh: Ocherki istorii sel'skogo rasseleniya [Russian village in the XV–XVII centuries: essays on the history of rural settlement]. L.: Izd-vo LGU, 1980. 176 p. (in Russian).
- Deserted Medieval Villages in England [Электронный ресурс] // <https://www.medieval.eu/deserted-medieval-villages-england/> (дата обращения 22.08.18).
- Di Figlia L.* Turnaround: abandoned villages, from discarded elements of modern Italian society to possible resources // International Planning Studies. 2016. V. 21. № 3. P. 278–297.
- Dyer C.* Deserted Medieval Villages in the West Midlands // The Economic History Review, New Series. 1982. V. 35. № 1. P. 19–34.
- Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen [The town and the country in European Russia: one hundred years of changes] / Red. T.G. Nefedova, P.M. Polyan, A.I. Trejvish. M., 2001. 560 p. (in Russian).
- Ioffe G.V., Fingerov G.M.* Sel'skoe khozyajstvo i rekreatsiya: voprosy vzaimootnoshenij [Agriculture and recreation: issues of relationships] // Territorial'naya organizatsiya khozyajstva kak faktor ehkonomicheskogo razvitiya. M.: Institut geografii AN SSSR, 1987. P. 122–13 (in Russian).
- Knight J.* Rural Revitalization in Japan: Spirit of the Village and Taste of the Country // Asian Survey. 1994. V. 34. № 7. P. 634–646.
- Kopanev A.I.* Krest'yanstvo Russkogo Severa v XVI v. [The peasantry of the Russian North in the 16th century]. L.: Nauka, 1978. 245 p. (in Russian).
- Li S.* The renewal of hollow village. A research and proposal of Erhai area in YunNan, China: MSc Thesis Urban Design in China and Europe. Blekinge Institute of Technology, 2014. 81 p.
- List of lost settlements in the United Kingdom [Электронный ресурс] // https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_lost_settlements_in_the_United_Kingdom (дата обращения 22.08.18).
- Liu Y., Liu Y., Chen Y., Long H.* The process and driving forces of rural hollowing in China under rapid urbanization // J. of Geographical Sciences. 2010. V. 20. Iss. 6. P. 876–888.
- Long H., Li Y., Liu Y., Woods M., Zou J.* Accelerated restructuring in rural China fueled by 'increasing vs. decreasing balance' land-use policy for dealing with hollowed villages // Land Use Policy. 2011. V. 29. Iss. 1. P. 11–22.
- Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G.* Sadovodachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rasseleniya [Gardening and dacha communities of urban dwellers in the rural settlement system] // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 5: Geografiya. 2016. № 2. P. 64–74 (in Russian).
- Medvedev A.A., Gun'ko M.S.* Vyjavlenie priznakov nalichnogo naseleniya po materialam distancionnogo zondirovaniya [Identification of available population using the remote sensing materials] // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Geodezija i aerofotosj'emka. 2016. № 6. P. 85–91 (in Russian).
- Nefedova T.G.* Szhatie i polarizatsiya sel'skogo prostranstva Rossii [Compression and polarization of the rural space of Russia] // Demoskop Weekly. 2012. № 507–508. P. 16–29 (in Russian).
- Nefedova T.G., Pokrovskij N.E., Trejvish A.I.* Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshhestva v usloviyakh rosta gorizonta'noj mobil'nosti [Urbanization, desurbanization and rural-urban communities under the growing horizontal mobility] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 12. P. 60–69 (in Russian).

¹ Tver State University, Faculty of Geography and Geoecology, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, student; e-mail: ilya357383527@gmail.com

² Tver State University, Faculty of Geography and Geoecology, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Senior Lecturer, PhD. in Geography; e-mail: alpresents@mail.ru

³ Tver State University, Faculty of Geography and Geoecology, Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning, Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: at.tver@mail.ru

Pallo J. Rural depopulation and the restoration of the Russian village under Gorbachev // *Soviet Studies*. 1990. V. 42. № 4. P. 655–674.

Rogotovskaya D.A., Tankeev A.S. Reabilitatsiya sel'skikh naselennykh punktov Voronezhskoj oblasti s nulevoj chislennost'yu naseleniya [Rehabilitation of rural settlements with zero population in the Voronezh region] // *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo GASU. Stroitel'stvo i arkhitektura*. 2014. № 1. P. 150–158 (in Russian).

Rossiya – strana umirayushhikh dereven' [Russia is a country of dying villages] // *Doklad TSentra ekonomicheskikh i politicheskikh reform*. 2016. 43 p. (in Russian).

Simms A. Deserted medieval villages and fields in Germany, a survey of the literature with a select bibliography // *J. of Historical Geography*. 1976. V. 2. Iss. 3. P. 223–238.

Sherbakova E.M. Mirovoj demograficheskij barometr [World demographic barometer] // *Demoskop Weekly*. 2010. № 429–430 (in Russian).

Smirnova V.M. Sotsial'no-geograficheskie problemy ischeznoveniia sel'skikh poselenij [Socio-geographical problems of the disappearance of rural settlements] // *Geograficheskie aspekty rekonstruktsii naselennykh mest Nechernozem'ya. Moskovskij filial*

Geograficheskogo obshchestva SSSR. M., 1984. P. 37–50 (in Russian).

Sun H., Liu Y., Xu K. Hollow villages and rural restructuring in major rural regions of China: A case study of Yucheng City, Shandong Province // *Chinese Geographical Science*. 2011. V. 21. Iss. 3. P. 354–363.

Tkachenko A.A. O real'nom i nominal'nom kolichestve sel'skikh naselennykh punktov v sovremennoj Rossii i ee regionakh [About the actual and the nominal quantity of rural settlements in modern Russia and its regions] // *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2018. T. 150. № 2. P. 15–24 (in Russian).

Tkachenko A.A. O sokrashhenii chisla sel'skikh poselenij [About the decline of the rural settlements number] // *Sel'skaya Rossiya: proshloe i nastoyashhee: Doklady i soobshheniya sed'moj rossijskoj nauchno-praktich. konferentsii*. M.: Entsiklopediya rossijskikh dereven', 1999. P. 84–86 (in Russian).

Yang Y. From hollowing area to livable rural area. Developing agritourism from a perspective of landscape design as a catalyst for sustainable rural development. Case study in Shenyang, China: MSc Thesis Landscape Architecture. Wageningen University, 2017. 118 p.

Received 04.09.2018

Revised 20.09.2018

Accepted 08.10.2018